

© 2019 г.

Ю.А. НИСНЕВИЧ

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич – доктор политических наук, профессор департамента политической науки Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (jnisnevich@hse.ru).

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния судебной системы постсоветской России в социальном контексте. Используются результаты социологических исследований отношения российских граждан к судебной системе и судейскому корпусу. Негативное отношение большинства россиян определяется тем, что они не уважают суды и не доверяют им, полагая, что те зависимы от других ветвей власти и подвержены влиянию политических и экономических акторов. По их мнению, судьи не готовы защищать права граждан, коррумпированы, несправедливы и негуманны, что определяет обвинительный уклон российского правосудия. При этом в российском судейском корпусе преобладают представители административно-бюрократической профессиональной субкультуры, ориентированные на вышестоящие инстанции и власть, а доминирующее положение занимают председатели судов с советской профессиональной подготовкой и опытом. Судебная система постсоветской России унаследовала проблемы советской юстиции, не может выполнять функцию беспристрастного арбитра и играть роль совести государства.

Ключевые слова: постсоветская Россия • социальный контекст • социологические исследования • судебная система • судейский корпус

DOI: 10.31857/S013216250006165-4

Введение. Идеино-ценностные и институциональные принципы судебной системы постсоветской России, доставшиеся ей в наследство от советской судебной системы, были определены концепцией судебной реформы, одобренной 24 октября 1991 г. Верховным Советом РСФСР [Концепция судебной реформы..., 2001]. В правовом государстве должно обеспечиваться верховенство права, защита прав и свобод человека и гражданина, охрана законных интересов личности, защита общества от произвола власти, а судебная система должна выполнять функцию главного арбитра в разрешении политических, экономических, социальных и иных споров и конфликтов. Исходя из этого, авторы судебной реформы определили ее цели следующим образом: «На арену общественной жизни выходит независимый, свободный от корыстных интересов и политических симпатий суд, выступающий гарантом законности и справедливости, играющий для государства ту же роль, какая в человеке принадлежит совести (курсив автора статьи)» [там же: 25]. Принципиально важно отметить: для того чтобы судебная система реально выступала объективным и авторитетным для граждан арбитром, все судебные решения должны приниматься исключительно на основе права и соответствующего ему законодательства, а при осуществлении правосудия судьи обязаны быть беспристрастны и справедливы. Судебная структура и судьи не должны быть подвержены влиянию политической конъюнктуры

или «политической целесообразности», давлению политических и экономических акторов, обязаны сохранять беспристрастность и независимость по отношению к любым институтам, органам и должностным лицам власти. Именно суд должен быть центром всей системы охраны правопорядка, поскольку среди всех органов государственной власти только суд наделен исключительным полномочием санкционировать применение государством легального насилия в отношении нарушителей законодательно установленного правопорядка.

Главную задачу реформирования судов авторы судебной реформы видели в преодолении жесточайшего, по их мнению, кризиса советской юстиции, его важнейших проблем и проявлений:

- идеологизация и зависимое, подчиненное положение юстиции как элемента командно-административной системы управления государством, выражающееся в том, что «суд не пользовался властью, а власть бесконтрольно пользовалась судом» [там же: 26];

- неспособность юстиции справиться с возложенными на нее задачами, некачественная работа судов и правоохранительных органов, несостоятельность их усилий по охране законности и правопорядка при чрезвычайной перегруженности;

- обвинительный уклон, искажение природы и целей юстиции, так как «вопреки вульгарным идеям целью уголовной юстиции является не борьба с преступностью, а защита общества от преступлений..., защита прав и законных интересов граждан, попавших в орбиту юстиции» [там же: 36];

- отсутствие сплоченной и независимой судебской корпорации, играющей значимую роль в осуществлении правосудия;

- кризис доверия, разлад между обществом и судебной системой, всеми правоохранительными органами, не заслуживающими доверия и не авторитетными для общества.

Первые шаги по реформированию были сделаны сразу же после одобрения концепции. Но полностью путь к законодательному и организационному формированию новой российской судебной системы был открыт после принятия 12 декабря 1993 г. Конституции Российской Федерации, в которой были закреплены многие идеи авторов реформы. С тех пор прошло более двадцати пяти лет, и сегодня возникает вопрос: стал ли суд, как мечтали авторы судебной реформы, «совестью» постсоветской России, объективным, уважаемым и авторитетным арбитром, которому доверяют россияне?

Институт суда в восприятии российских граждан. Ответить на поставленный вопрос позволяют результаты социологических исследований отношения россиян к судебной системе. Левада-Центр в 2010–2013 гг. реализовал программу мониторинга, одна из главных задач которой – фиксация по данным четырех волн ежегодных общероссийских опросов «общих коллективных представлений и стереотипов о характере судебной власти в России, ее устройстве, принципах деятельности» [Ворожейкина, Гудков и др., 2014: 15].

В этом мониторинге оценивалась степень доверия россиян к суду в контексте защиты их интересов по ответам на вопрос – оцените по 7-бальной шкале, насколько вы верите в то, что суды готовы защищать ваши интересы. Полученные результаты свидетельствуют: суду, как институту защиты интересов граждан, доверяло не более 31% респондентов, т.е. меньше трети; не доверяло – от 38% до 51%. При этом в качестве основных причин недоверия суду было указано: граждане не могут защитить в суде свои права, нарушенные государством – 33%; судьи зависимы в своих решениях от власти и других влиятельных групп – 31%; работа судов плохо организована, много волокиты, бюрократизма – 22%; мои близкие, друзья, знакомые, коллеги не смогли добиться в суде справедливого решения, защиты своих прав – 21%; знаю о случаях коррупции в судах – 20%.

Кроме того, Левада-Центр в рамках ежегодного опроса фиксирует степень институционального доверия суду. Результаты исследований за последние семь лет, представленные на официальном сайте Левада-Центра, сведены в табл.1, из которой следует: лишь 23–29% респондентов вполне доверяют суду, а в той или иной степени не доверяют – 57–65%.

Таблица 1

Доверие граждан к российскому суду (в %)

Степень доверия	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Вполне заслуживает	21	26	29	22	26	28	23
Не вполне заслуживает	42	44	45	37	39	43	33
Совсем не заслуживает	23	22	17	20	23	19	25
Затруднились ответить	12	13	12	15	16	13	14
Индекс доверия	-21	-23	-13,5	-9,5	-20,5	-14,5	-13,5

Примечание. Индекс доверия рассчитывается как разница между «вполне заслуживает» и «совсем не заслуживает» – 1/2 от «не вполне заслуживает».

Источник: [Институциональное доверие].

В исследовании Левада-Центра определялась также степень авторитетности суда в сравнении с авторитетностью других государственных и общественных институтов на основании ответов на вопрос: как вы считаете, насколько высок в современном российском обществе авторитет института из заданного списка?

Из табл. 2, следует, что мнения россиян об авторитетности суда разделились с преимуществом тех, кто считает его авторитет низким. Суд с отрицательным коэффициентом авторитетности занимает среднюю позицию среди всех рассмотренных в исследовании государственных и общественных институтов. При этом авторы исследования указывают: «Авторитет в обществе различных институтов обусловлен не столько качеством исполнения той реальной функциональной деятельности, которая приписывается им общественным

Таблица 2

Авторитетность российских государственных и общественных институтов (в %)

	Очень + довольно высок	Очень + довольно высок	Очень + довольно низок	Очень + довольно низок	Затруднились ответить		Индекс авторитетности	
	2011	2013	2013	2011	2013	2011	2013	2011
Спецслужб (ФСБ и другие)	63	65	21	26	16	9	42	39
Церкви	72	63	19	30	9	7	53	33
Армии	46	55	47	41	7	5	-1	14
Правительства	65	49	29	46	7	5	36	3
Бизнеса	43	44	47	46	11	9	-4	-2
Суда	41	44	49	50	9	6	-8	-6
Правозащитных организаций	41	40	43	48	16	12	-2	-8
Общественной палаты	37	35	36	49	27	16	+1	-14
Правоохранительных органов	34	38	58	56	8	6	-24	-18
Государственной Думы	45	38	48	57	7	5	-3	-19

Примечание. Индекс авторитетности – разница между позитивными и негативными оценками деятельности.

Источник: [Ворожейкина, Гудков и др., 2014: 25].

мнением, сколько их символическим и моральным значением» [Ворожейкина, Гудков и др., 2014: 25]. А авторитет суда – это и есть, прежде всего, моральный императив.

В указанном исследовании определялось также восприятие российскими гражданами степени независимости судебной власти от других ветвей власти. Результаты показали, что в среднем только 33% воспринимают судебную власть как вполне независимую, а 58% – как в той или иной степени зависимую от других ветвей власти и еще 10% затруднились с ответом.

Кроме того, исследование Левада-Центра продемонстрировало: по мнению большинства россиян, суды используются в политических целях, т.е. подвержены политической конъюнктуре и могут принимать решения, исходя из «политической целесообразности». В среднем 62% выразили мнение, что суд определенно используется в политических целях, чтобы избавиться от политических соперников, и для преследования инакомыслящих, и только в среднем 20% с этим не согласились; еще 19% с ответом затруднились.

По мнению большинства россиян, суды используются в экономической борьбе, т.е. подвержены влиянию субъектов экономической деятельности. В среднем 66% выразили мнение, что суд определенно используется в конкурентной борьбе с целью захватить бизнес конкурента, испортить его репутацию или иным образом повредить ему; и только 17% с этим не согласились; еще 17% затруднились с ответом.

Мнение россиян о зависимости судов от других ветвей власти, подверженности политической конъюнктуре и влиянию акторов экономической деятельности, совпадает с оценками Всемирного экономического форума. В рамках его исследования Индекса глобальной конкурентоспособности (The Global Competitiveness Index) в качестве одного из 112 исходных параметров используется индикатор независимости судебной системы (Judicial Independence) [The Global Competitiveness Report, 2018]. Значения этого индикатора, изменяющегося в диапазоне от 1 (полная зависимость) до 7 (полная независимость), определяются по результатам опроса менеджеров и предпринимателей на основе их ответов на вопрос: насколько в вашей стране судебная система независима от влияния правительства, частных лиц и компаний? Анализ изменений индекса независимости судебной системы для России за последние 10 лет показывает, что его значения колеблются около значения 3, т.е. меньше среднего значения 4. Таким образом судебная власть России, по экспертному мнению, не является в должной мере независимой.

По результатам опроса Левада-Центра определялось мнение российских граждан о том, какие проблемы они считают наиболее острыми для российских судов общей юрисдикции. В список из пяти наиболее значимых проблем были включены: взяточничество, коррупция судей, работников судов – в среднем за период исследования 55%; зависимость судей от властей и влиятельных групп – 45%; отсутствие равенства сторон в судебном процессе – 27%; волокита, непродуктивность работы судей – 27%; низкий авторитет суда в обществе – 21%. Таким образом, наиболее значимы по мнению россиян две взаимосвязанные проблемы – коррумпированность и зависимость судов от властей и влиятельных групп. Мнение о коррумпированности российских судов подтверждается еще двумя социологическими исследованиями.

Во-первых, в 2016 г. при подготовке очередного доклада «Мировой барометр коррупции» Трансперенси Интернешнл (Transparency International) провела опрос, который показал: по мнению 60% респондентов российские судьи в той или иной мере коррумпированы (7% – все, 17% – большинство, 36% – некоторые) и только 3% считают, что судьи вообще не коррумпированы [People and Corruption..., 2016]. И во-вторых, в 2018 г. Фонд Общественного Мнения (ФОМ) провел опрос, результаты которого показали: 61% российских граждан убеждены, что большинство российских судей берут взятки; только 17% считают – большинство судей взятки не берут [Суды..., 2018].

Безусловно, оценки уровня коррупции по результатам социологических опросов могут быть существенно смещены, так как граждане склонны преувеличивать уровень коррупции, обосновывая свое негативное отношение к тем или иным решениям и действиям

публичной власти ее высокой коррумпированностью [Нисневич, 2017: 40]. Так, по мнению аналитиков Левада-Центра, «недоверие к суду или настороженность к судебной системе, не будучи рационализируемо и проработано массовым сознанием, оборачивается представлением о коррумпированности судов и судей» [Ворожейкина, Гудков и др., 2014: 15].

Однако в данном случае мнение россиян подтверждает авторитетное мнение председателя Конституционного Суда России В. Зорькина, который публично заявил: «Мздоимство в судах стало одним из самых мощных коррупционных рынков в России. Судебная коррупция встроена в различные коррупционные сети, действующие на разных уровнях власти: например, в сети по развалу уголовных дел и по перехвату чужого бизнеса»¹.

Результаты социологического опроса ФОМ [Суды..., 2018] показали: 40% респондентов негативно оценивают деятельность российских судов и судей; положительно – только 24%; остальные 36% затруднились с ответом. При этом 46% российских граждан согласны с мнением, что суды часто выносят несправедливые приговоры и только 27% с мнением: суды редко выносят несправедливые приговоры, остальные 27% затруднились с ответом.

Результаты проведенного ВЦИОМ в 2018 г. соцопроса показывают: доли граждан, одобряющих деятельность судебной системы и не одобряющих ее деятельность, совпадают и составляют по 37,6% [Государственные и общественные институты..., 2018].

По мнению ученых Левада-Центра: «Именно на этом фоне доминирующего недоверия и негативизма в отношении к судопроизводству и состоянию правовой сферы в России возникает компенсаторная идеализация Европейского суда по правам человека. Он играет роль утопического носителя идеи справедливости, беспристрастного и объективного суда, внимательного к человеку и защищающего его от произвола российских властей» [Ворожейкина, Гудков и др., 2014: 45].

Количество жалоб российских граждан в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) растет из года в год. В 2018 г. Россия заняла первое место по числу поданных ее гражданами в ЕСПЧ жалоб, из которых 11750 находится в стадии ожидания решения: 20,9% от всех поданных в том году жалоб, ожидающих решения. При этом в 95% случаев граждане России выигрывают в ЕСПЧ дела против своего государства [Annual report..., 2018]. Эти факты также свидетельствуют о неблагоприятной ситуации в российской судебной системе и не способствуют повышению уровня доверия к ней и ее авторитета.

Российский судебный корпус в зеркале социологических исследований. Характер функционирования институтов публичной власти зависит от их институционального построения и кадрового обеспечения. По степени влияния последнего на характер функционирования суды занимают особое место в структуре органов публичной власти, что обусловлено следующим обстоятельством. Отправление судебной власти и осуществление правосудия предельно персонализировано – осуществляется только судом в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке присяжных и арбитражных заседателей [Комментарии к законодательству..., 2003: 30–31]. Поэтому, чтобы понять и оценить ситуацию в судебной системе постсоветской России, необходимо проанализировать особенности российского судебного корпуса.

В феврале–июне 2011 г. Институт проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге провел базовое социологическое исследование судебного корпуса как профессиональной группы [Волков, Дмитриева и др., 2012]. В 2013–2014 гг. этот институт провел анкетный опрос 1798 судей из семи российских регионов [Волков, Дмитриева и др., 2015: 77], который показал не очень значительные изменения основных социально-демографических характеристик судебного корпуса и источников его рекрутирования.

У российского судебного корпуса преимущественно «женское лицо», женщины в нем преобладают над мужчинами в соотношении два к одному. Ядро российского

¹ Ильичев Г. Валерий Зорькин: «Мздоимство в судах стало одним из самых мощных коррупционных рынков» // Известия. 25.10.2004.

судейского корпуса составляют люди в возрасте от тридцати шести до пятидесяти лет – более половины всех судей. Остальные примерно поровну распределяются между молодыми, до тридцати пяти лет, и теми, кто старше пятидесяти одного года.

Большой интерес вызывает распределение судей по профессиональным когортам, которые авторы исследования определили периодом вступления в должность судьи: 12,1% – «старая закалка» (до 1991); 28,1% – призыв «переходного периода» (1992–2001 гг.); 57,4% – «новый призыв» (с 2002 г). Таким образом, в судебском корпусе преобладают судьи постсоветского набора, из них более половины вступили в должность с 2002 г.

Социально-образовательный статус российских судей представляется в следующем виде. У большинства в 56,5% родители не имели высшего образования, т.е. они – «образованные профессионалы в первом поколении», 19,8% – происходит из семей, в которых хотя бы один родитель имел высшее образование, и только у 23,7% – оба родителя получили высшее образование. Следует отметить: всего 5,3% судей – юристы во втором-третьем поколении. При этом 44% судей получили заочное юридическое образование, 9,6% учились на вечерней форме обучения и 1,3% прошли ускоренное обучение. Как отмечают авторы исследования, «российские судьи – это профессиональная группа, сформировавшаяся в рамках одного поколения, с не очень высоким уровнем профессиональной преемственности внутри семьи» и «такая пропорция очного и заочного или ускоренного образования не очень типична для профессиональных групп, одновременно требующих высокой квалификации и обладающих высоким статусом и доходом» [Волков, Дмитриева и др., 2012: 14].

Результаты исследований набора судей свидетельствуют: наиболее распространен в судебском корпусе опыт аппаратной работы в судах: его имеет – 40,8%; далее следует опыт работы в прокуратуре – 26,8% и следствии – 20,3%; в юридических службах государственных организаций – 15,5%; опытом работы в адвокатуре обладают только 14% судей. Более половины судей указали, что имеют более одного опыта работы. Это позволило сгруппировать их на основании максимального стажа работы в одном месте. При таком подходе получается: 40,4% судей рекрутированы из структур, дающих аппаратно-бюрократический опыт, а именно 30,3% – из аппаратов судов и 10,1% – из государственных органов; 38,3% – из правоохранительных органов, включая 20,8% из прокуратуры, и только 16,5% из адвокатуры, нотариата и юридических служб коммерческих организаций.

При этом наблюдается выраженный гендерный дисбаланс между выходцами из разных профессиональных структур. Судьи-мужчины чаще рекрутируются из прокуратуры – 35,6% и иных правоохранительных органов – 26,9%, а судьи-женщины преимущественно рекрутируются из аппаратов судов – 41,7% [там же: 17].

Проведенные исследования позволяют составить доминантный тип российского судьи-женщины: вступление в должность с 2002 г.; заочное или ускоренное высшее образование; рекрутирование из аппарата суда. Доминантный тип судьи-мужчины: вступление в должность до 2002 г., очное высшее образование, рекрутирование из прокуратуры или иных правоохранительных органов.

В ходе исследования ценностей и норм российского судебского корпуса приоритетные ценности и нормы из списка, предложенного исследователями, выбирали сами судьи. При этом декларируемые ценности и нормы могут расходиться с теми, которые в реальности определяют деятельность и служебное поведение судей. Это обусловлено раскручиванием в сегодняшней России «спирали молчания» под воздействием манипулирования общественным мнением при отсутствии нормального общественного диалога. [Россия 2014..., 2015].

Исследуя ценностные ориентиры судей, авторы опирались на теоретическую модель с двумя основными функциями судебной власти: поддержание равновесия и порядка [Волков, Дмитриева и др., 2012: 24]. При этом «равновесие тождественно справедливости, справедливое решение или представление о справедливом устройстве является социальным аналогом равновесия». А «поддержание порядка связано как с наличием законов,

Таблица 3

Ценности российского судейского корпуса

Миссия	Частоты	Доля от опрошенных (%)
Обеспечение законности	589	77,6
Защита прав граждан	383	50,5
Обеспечение справедливости	277	36,5
Борьба с правонарушениями	31	4,1
Защита государственных интересов	28	3,7

Источник: [Волков, Дмитриева и др., 2012: 12].

представляющих собой правила или запреты, регулирующие поведение людей, так и с самой идеей законности, легитимирующей отдельные порядки, установленные теми или иными кодексами». Ответы судей на вопрос, в чем заключается главная миссия судьи (несколько вариантов ответа), представлены в табл. 3, из которой следует, что «ядром ценностной системы судейского корпуса является триада “законность – защита прав – справедливость”, причем “законность” занимает центральное место, через призму этого понятия воспринимаются и “права”, и “справедливость”» [там же: 26]. Именно их заявили судьи, демонстрируя ценностную монолитность. Однако эти результаты существенно расходятся с оценками ценностных ориентиров судей российскими гражданами, по результатам исследования Левада-Центра. Так, в период 2010–2013 гг. больше половины респондентов – в среднем 54% – оценивали справедливость судей как довольно и очень низкую, и только меньше трети – в среднем 29% – оценивали ее как довольно и очень высокую.

Обратите внимание: член Конституционного Суда России в 1991–2002 гг. и зам. председателя этого суда с 1995 г. Т. Морщакова указывает, что справедливость правосудия, как ее понимает Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст. 6), это справедливость процессуальная, справедливость системы процедур рассмотрения судом правового конфликта [Морщакова, 2010: 192]. И в этом отношении ситуация весьма неблагоприятная. Об этом свидетельствует поток обращений граждан России в ЕСПЧ, который и рассматривает такие обращения, прежде всего, именно на предмет соблюдения процессуальной справедливости.

Не лучше, по мнению россиян, обстоит дело и с декларируемой судьями защитой прав граждан. По результатам исследования Левада-Центра, в готовность судов защищать их интересы в той или иной степени верили не более 31% респондентов; не верили – от 38 до 51%. При этом внимательность судей к людям, как довольно и очень низкую оценивали в среднем 55%; как довольно и очень высокую – лишь 29%.

Понятие законности, декларируемое судьями в качестве самой значимой для них ценности, нуждается в более детальном рассмотрении. Известно, что универсальным регулятором правопорядка является право, которое при континентальной системе выражается в правовых законах. К сожалению, в постсоветской России приняты и продолжают приниматься неправовые законы: не соответствующие конституционным установлениям; общепризнанным принципам и нормам международного права; международным договорам России; содержащие неоднозначные понятия и нормы, допускающие различные толкования, в том числе судьями в процессе судебного разбирательства. Такие законы направлены не столько на поддержание порядка в обществе, сколько на возможность их использования в качестве репрессивного инструмента против различных проявлений инаковости и, в первую очередь, инакомыслия в отношении позиций и мнений властей.

Применение неправовых законов и вынесение судьями на их основе обвинительных приговоров под прикрытием соблюдения формальной законности легитимирует установление противоправных порядков. Как отмечает Морщакова, «диктатура закона, как и

законность, в понимании, господствовавшем у нас много десятилетий, более обращают правоприменителя, в том числе и суд, к букве закона, а не к его глубокому правовому смыслу, который суд как правоприменитель каждый раз должен выявлять, потому что он не имеет права применять любой закон» [Морщакова, 2010: 78–79]. И далее критически оценивая позитивистский подход к законности, она пишет: «В правоприменении чаще ограничиваются требованием подчинения суда закону – это, конечно, гораздо более доступно и, даже надо сказать, гораздо более удобно, в том числе и для представителей судебной власти. Но такое упрощение задачи лишает суд как раз того главного основания, благодаря которому он может выступать в системе разделения властей действительно как реальный противовес, обеспечивающий баланс в этой системе – баланс между защитой прав личности, самоограничением государства и стремлением власти к наращиванию властных полномочий, что всегда свойственно власти, во всех ее проявлениях» [там же: 81]. Это свидетельство именно позитивистской, а не ценностно-правовой интерпретации законности, декларируемой судьями в качестве их ключевой ценности.

Содержание нормативной модели российского судьи, как она складывается из ответов на вопрос, какими качествами должен обладать судья, чтобы профессионально выполнять свои обязанности (не более трех вариантов из заданного списка), представлены в табл. 4.

Таблица 4

Нормативная модель российского судьи

Варианты ответов	Количество	Доля от опрошенных, (%)
Знать букву закона	485	63,9
Быть справедливым	394	51,9
Быть независимым	383	50,5
Быть непредвзятым	300	39,5
Быть специалистом в отрасли права	173	22,8
Быть внимательным и аккуратным	165	21,7
Быть дисциплинированным	145	19,1
Быть бескорыстным	139	18,3
Быть гуманным	30	4,0

Источник: [Волков, Дмитриева и др., 2012: 30].

Результаты исследований ценностных и нормативных ориентиров российских судей, с учетом гендерного и возрастного факторов, а также характера взаимодействия с коллегами и вышестоящими инстанциями, позволили выделить у судей, как минимум, две профессиональные субкультуры. Первая в большей степени ориентируется на букву закона в сочетании с такими аппаратно-бюрократическими нормами как дисциплина, внимательность и аккуратность. В этой субкультуре преобладают женщины более молодого возраста из когорты «новый призыв», рекрутированные из аппарата судов. Представители этой субкультуры более зависимы от мнения коллег и позиции председателя суда или вышестоящих судов. Вторая субкультура больше ориентирована на такие декларируемые профессиональные нормы как справедливость, независимость и бескорыстность, на принятие решений по собственному усмотрению, исходя из внутренних убеждений. В этой субкультуре преобладают мужчины более старшего возраста, рекрутированные из прокуратуры и иных правоохранительных органов.

Показательно, что следует из табл. 4: российские судьи и первой, и второй субкультуры декларировали в числе норм своей профессиональной деятельности гуманизм в качестве наименее значимой нормы (4%). Уместно напомнить: в Концепции судебной реформы 1991 г. в качестве одной из важнейших проблем советской юстиции указывалась

ее негуманность, карательный и обвинительный уклон. Именно для их преодоления авторы концепции предложили использовать в уголовном судопроизводстве суд присяжных: «Коллективный разум и совесть присяжных, сдерживающих карательный меч во имя справедливого разрешения дела, суть достаточные гарантии правопорядка. Пока в правосудии обнаруживается дефицит милосердия, не нужно бороться с его избытком» [Концепция судебной реформы..., 2001: 103].

Исследования Левада-Центра, кодифицирующие «гуманизм» как «человечность», фиксируют: в среднем 50% российских граждан оценивали человечность российских судей как довольно и очень низкую, менее трети (в среднем 30%), как довольно и очень высокую, и только 3% – как очень высокую. Значимый индикатор негуманности российской юстиции – доля оправдательных приговоров, выносимых российскими судьями, менее 1% и имеет устойчивую тенденцию к снижению. Статистика Судебного департамента при Верховном Суде России свидетельствует: в 2014 г. доля оправдательных приговоров составляла 0,54%; в 2015 – 0,42%; в 2016 – 0,36 и в 2017 – достигла 0,22%². Для сравнения, количество оправдательных приговоров, вынесенных судами присяжных в 2017 г., составила 10,2%, хотя и у судов присяжных число оправдательных приговоров с 2007 г. сократилось почти в 2 раза³.

Причину обвинительного уклона российской судебной системы федеральный судья в отставке С. Пашин полагает в следующем: «Судьи являются выходцами из карательной системы. Бывших адвокатов в числе судей очень мало. А вот всяких прокуроров, бывших оперативников – сколько угодно. <...> А вообще корень проблемы лежит в оценке системы правоохранительных органов. Для них оправдательный приговор – это чудовищное происшествие»⁴. Бывший генеральный прокурор России Ю. Скуратов убежден: обвинительный уклон – «хроническая болезнь» российской судебной системы, которая «больше верит следствию, оперативным службам, ФСБ, сотрудники которой сопровождают дела до их судебного рассмотрения, и это обусловлено слабостью позиции адвокатуры, то есть адвоката в суде не слушают»⁵.

Особое место в судебском корпусе России занимают председатели судов, имеющие значительное формальное и неформальное влияние. Этому существенно способствовали внесенные в 2001 г. поправки в закон о статусе судей. Первая поправка установила дисциплинарную ответственность судей; инициировать привлечение к ней может председатель суда, что не согласуется с гарантией независимости судей. Вторая поправка установила трехлетний испытательный срок для всех федеральных судей первого и второго звена судебной системы, впервые назначаемых на должность. Отсутствие должных гарантий несменяемости в период работы с испытательным сроком [Комментарии к законодательству..., 2003: 126] существенно повышает зависимость судьи от председателя суда, так как прежде всего от председателя зависит возможность его дальнейшего пребывания в должности. Хотя эта поправка была отменена в 2009 г., но в период 2002–2005 гг. произошло увеличение судебного корпуса более чем в два раза за счет судей «нового призыва» (57,4% от всех судей), которые прошли через испытательный срок. Это не могло не отразиться на характере их служебного поведения и отношении к председателю суда как непосредственному начальнику. Благодаря этим и другим поправкам в законодательство, председатели судов стали ретрансляторами воли и влияния на судопроизводство исполнительной власти. Как отмечает Морщакова: «Такую роль они могут играть потому,

² Доля оправдательных приговоров в России рухнула до 0,22% // Finanz.ru. 2018. 26 апреля. URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/dolya-opravdatelnykh-prigovorov-v-rossii-rukhnula-do-0-22percent-1022315269> (дата обращения: 29.03.2019).

³ Пашин С. Судья держится за свою должность и хочет передать ее по наследству // Zsudili.ru. 2018. 10 октября. URL: <http://zasudili.ru/news/9047/> (дата обращения: 29.03.2019).

⁴ Евдокимова Д. Федеральный судья в отставке Сергей Пашин // Новые Известия. 20.04. 2016.

⁵ 1 к 466: почему российские суды стали оправдывать еще реже // РБК. 2018. 25 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/04/2018/5adedd539a79477ac3e23377> (дата обращения: 29.03.2019).

что обладают по отношению к другим судьям очень большими полномочиями. Именно от председателей судов зависит судебная карьера, привлечение к дисциплинарной ответственности, удаление с должности, доплаты к основному заработку, распределение дел между судьями» [Морщакова, 2010: 196].

По результатам изучения судебного корпуса России: средний возраст председателей судов – около 50 лет; большинство принадлежат к самому старшему поколению судей (среди них всего 18,1% «нового призыва»); относятся ко второй профессиональной субкультуре. Практически все судьи «старой закалки» занимают или занимали должность председателя суда, только 4,6% судей этой когорты не имеют такого опыта. По состоянию на 2011 г. именно судьи «старой закалки» составляли 43,1% от всех председателей российских судов. Возглавляет когорту «советских председателей судов» В. Лебедев, который и до настоящего времени в течение тридцати лет является председателем Верховного Суда России, заняв еще в 1989 г. должность председателя Верховного Суда РСФСР.

Авторы социологического исследования судебного корпуса следующим образом определяют роль председателей судов: «Будучи профессионально социализированы еще в советское время и занимая позиции наставников, они, по-видимому, обеспечивают преемственность между современной и советской судебной системой» [Волков, Дмитриева и др., 2012: 36]. Можно предположить, что именно в этой преемственности и кроется одна из существенных причин негативного отношения большинства российских граждан к судьям и судебной системе постсоветской России.

Заключение. По результатам социологических исследований, большинство граждан России не доверяет судам и не видит в них авторитетного института, полагая, что суды зависимы от других ветвей власти, подвержены политической конъюнктуре и влиянию экономических акторов. Россияне убеждены, что судьи в своем большинстве коррумпированы, не готовы защищать их права, часто выносят несправедливые приговоры, им не хватает человечности, что предопределяет выраженный обвинительный уклон российского правосудия.

В российском судебном корпусе преобладает административно-бюрократическая профессиональная субкультура; ее массовые носители – женщины из «нового призыва», имеющие заочное или ускоренное высшее образование и рекрутированные из аппарата судов. Для этой субкультуры характерна зависимость от мнения вышестоящих инстанций и прежде всего председателя суда, который воспринимается как прямой начальник. «Тотальная зависимость от председателей судов и другого начальства сочетается в положении отечественного судьи с возможностью полного игнорирования мнения сограждан» [Пашин, 2014].

Доминирует в российском судебном корпусе когорта «советских председателей судов», прошедших профессиональное обучение и социализацию при советской власти и рекрутированных в основном из прокуратуры и иных правоохранительных органов. Именно они в первую очередь выступают носителями преемственности сегодняшней российской и советской судебной системы со всеми ее кризисными проявлениями и проблемами.

При столь негативном отношении российских граждан к судебной системе и судебному корпусу, суд в постсоветской России не способен выполнять функцию главного арбитра в разрешении политических, экономических, социальных и иных споров и конфликтов, исполняя роль совести государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волков В.В., Дмитриева А.В., Поздняков М.Л., Титаев К.Д. Российские судьи как профессиональная группа: социологическое исследование / Под ред. В. Волкова. СПб.: Институт проблем правоприменения ЕУ в СПб., 2012.
- Волков В., Дмитриева А., Поздняков М., Титаев К. Российские судьи. Социологическое исследование профессии / Под ред. В. Волкова. М.: Норма, 2015.
- Ворожейкина Т., Гудков Л., Зоркая Н., Овакимян А. Мониторинг отношения российского населения к судебной реформе и судебной системе // Вестник общественного мнения. 2014. № 3–4(118). С. 13–69.

- Государственные и общественные институты: оценки деятельности. Пресс-выпуск 27.12.2018. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9494> (дата обращения: 29.03.2019).
- Институциональное доверие. Пресс-выпуски 2015–2018. Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/category/press/> (дата обращения: 29.03.2019).
- Комментарии к законодательству о судебной системе Российской Федерации / Под ред. Т.Г. Морщакковой. М.: Юрист, 2003.
- Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Под ред. Б.А. Золотухина. М.: ЗАО «Редакция газеты “Демократический выбор”», 2001.
- Нисневич Ю.А. Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса. М.: Юрайт, 2017.
- Пашин С. Судебная система России: перелицовка // Отечественные записки. 2014. № 3(60). URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/3/sudebnaya-sistema-rossii-perelicoovka> (дата обращения: 29.03.2019).
- Россия 2014: Загадки общественного мнения. Переживет ли патриотическая мобилизация экономический кризис. Фонд Либеральная миссия. 2015. URL: <http://www.liberal.ru/articles/6694> (дата обращения: 29.03.2019).
- Суды: предоставления об их справедливости, независимости, личный опыт. Еженедельный опрос «ФОМнibus» 4–5 августа 2018. ФОМ. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14080> (дата обращения: 29.03.2019).
- Annual Report of European Court of Human Rights. Council of Europe, 2018. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Annual_report_2018_ENG.pdf (дата обращения: 21.03.2019).
- People and Corruption: Europe and Central Asia. Global Corruption Barometer. Transparency International, 2016.
- The Global Competitiveness Report 2017–2018. The World Economic Forum. 2018. URL: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf> (дата обращения: 21.03.2019).

Статья поступила: 14.04.19. Принята к публикации: 17.04.19.

JUDICIAL SYSTEM OF POST-SOVIET RUSSIA: SOCIAL CONTEXT

NISNEVICH Yu.A.

National Research University Higher School of Economics, Russia

Yuliy A. NISNEVICH, Dr. Sci. (Polit.), Prof., Department of Political Science, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (jnisnevich@hse.ru).

Abstract. This article provides insight into the state of the judicial system in post-Soviet Russia within social context. It involves results of a survey of the Russian citizens' attitude towards the judicial system and judiciary. Majority disapproval is determined by the fact that people do not respect or trust courts of law assuming that they are dependent and influenced by other political and economic actors. They believe that the judges are not willing to protect citizens' rights, are corrupt, unfair and inhumane, which determines the accusatory bias of the Russian judicial system. At the same time, Russian judiciary consists mainly of representatives of administrative and bureaucratic professional subculture focused on superior authorities and powers, most court chairpersons have Soviet professional training and experience. The judicial system of post-Soviet Russia has inherited problems of Soviet justice and is incapable of acting in the social system as an impartial arbitrator and conscience of the state.

Keywords: post-Soviet Russia, social context, sociological studies, judicial system, judiciary.

REFERENCES

- Annual Report of European Court of Human Rights.* (2018) Council of Europe. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Annual_report_2018_ENG.pdf (accessed 21.03.2019).
- Morshchakova T.G. (ed.) (2003) *Comments on the Legislation on the Judicial System of the Russian Federation.* Moscow: Yurist. (In Russ.)
- Courts: Ideas about Their Justice, Independence, Personal Experience.* (2018) Weekly survey «FOMnibus» 4–5 August. FOM. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14080> (accessed 29.03.2019). (In Russ.)
- Institutional Trust.* (2015–2018) Press Releases. Levada-Center. URL: <https://www.levada.ru/category/press/> (accessed 29.03.2019). (In Russ.)

- Nisnevich Yu.A. (2017) *Politics and Corruption: Corruption as a Factor in the Global Political Process*. Moscow: Yurajt. (In Russ.)
- Pashin S. (2014) The Judicial System of Russia: Perelitsovka. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes]. No. 3(60). URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/3/sudebnaya-sistema-rossii-perelicovka> (accessed 29.03.2019). (In Russ.)
- People and Corruption: Europe and Central Asia*. (2016) Global Corruption Barometer. Transparency International.
- Russia 2014: Mysteries of Public Opinion. Will the Patriotic Mobilization Survive the Economic Crisis?* (2015) Fond Liberal'naiia missiia [Foundation «Liberal Mission»]. URL: <http://www.liberal.ru/articles/6694> (accessed 29.03.2019). (In Russ.)
- State and Public Institutions: Performance Evaluation*. (2018) Press Release. 27 December. VTsIOM. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9494> (accessed 21.03.2019). (In Russ.)
- The Global Competitiveness Report 2017–2018*. (2018) The World Economic Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/GCR2016-2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017-2018_FINAL.pdf (accessed 21.03.2019).
- Volkov V., Dmitrieva A., Pozdniakov M., Titaev K. (2015) *Russian Judges. Sociological Study of the Profession*. Moscow: Norma. (In Russ.)
- Volkov V.V., Dmitrieva A.V., Pozdniakov M.L., Titaev K.D. (2012) *Russian Judges as a Professional Group: Sociological Research*. Saint-Petersburg: Institut problem pravoprimereniya Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)
- Vorozheikina T., Gudkov L., Zorkaia N., Ovakimian A. (2014) Monitoring the Attitude of the Russian Population to the Judicial Reform and the Judicial System. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [The Herald of Public Opinion]. No. 3–4 (118): 13–69. (In Russ.)
- Zolotukhin B.A. (ed.) (2001) *The Concept of Judicial Reform in the Russian Federation*. Moscow: ZAO «Redaktsiya gazety "Demokraticeskij vybor"». (In Russ.)

Received: 14.04.19. Accepted: 17.04.19.